

УДК 316.32

КРИЗИС ИДЕНТИФИКАЦИИ КАК ФЕНОМЕН ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Л.Л. Мельникова

**УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь**

Статья посвящена анализу процесса идентификации на постсоветском пространстве в условиях глобализации. Автор рассматривает специфические черты данного процесса и формы его проявления.

The article is devoted to analysis of identification process in the post-soviet countries in the conditions of globalization. The specific features of this process and the forms of identification are outlined in this work.

Поиск смысла жизни является одной из важнейших экзистенциальных характеристик личности. И хотя жизнь человека имеет биологическое измерение, ее сущность определяется в первую очередь содержащимися в ней социальными и культурными смыслами. Важную роль в обретении таких смыслов играет процесс идентификации. Проблема идентификации – далеко не новый тренд в пространстве социально-гуманитарных исследований, однако в периоды глубинных изменений социума она приобретает особую остроту. Анализируя данную проблему в контексте постсоветской реальности, естественно предположить, что в условиях продолжающейся системной трансформации и системного кризиса общества, а также растущего влияния глобализационных процессов идентичность и идентификация существенным образом видоизменяются и приобретают новые формы. В данной статье предпринимается попытка выявить специфику идентификации в постсоветском обществе (речь идет, главным образом, о ситуации в России и Беларуси) в условиях глобализации.

Рассматривая феномены идентичности и идентификации на постсоветском пространстве, исследователи диагностируют их кризис

как на индивидуальном, так и коллективном уровнях. Кризис индивидуальной идентичности означает, что личность утрачивает ощущение своей целостности, а также целостность восприятия собственной жизни и судьбы. Кризис идентификации проявляется в том, что «Я» *перестает отождествлять* себя с некоторым определенным сообществом. Это нарушает процесс *установления связи субъекта с социальным целым* и ускоряет нарастание социальной нестабильности.

Основным показателем кризиса коллективной идентичности является существенное уменьшение числа людей, сознательно причисляющих себя к определенной коллективной реальности, которую они раньше поддерживали.

На постсоветском пространстве кризис идентичности был обусловлен не только разрушением прежних социальных и политических структур, он оказался напрямую связанным с деформационными процессами в сфере культуры. И это не случайно – трансформация и разрушение культурных образцов всегда сопровождаются изменениями во внутреннем мире личности, поскольку значительная часть того, что думают и чувствуют индивиды, а также значительная часть их представлений о себе формируется под влиянием культуры, к которой они принадлежат.

Духовный кризис, охвативший постсоветские страны, в качестве одного из компонентов содержал в себя кризис аксиосферы: кризис идеалов коммунизма и коммунистической идеологии. Вследствие этого из духовного пространства общественной жизни и из культуры в целом исчез унифицирующий, интегративный компонент – метанарратив, если воспользоваться понятийным аппаратом постмодернистской парадигмы. Под влиянием глобализационных процессов кризис системы ценностей в постсоветском обществе приобрел особую остроту, поскольку в деформированное ценностное пространство стремительно ворвались ценности западной массовой культуры, что значительно ускорило *фрагментаризацию аксиосферы*. Возникла сложная ситуация, когда в пространстве одной конкретной культуры одновременно начали функционировать диаметрально противоположные ценностные компоненты и координаты. Это свидетельствовало о появлении феномена *диссеминации аксиосферы*, который ранее был характерен только для западного общества. Анализируя последнее обстоятельство, французский философ Жан Бодрийяр отмечал, что «прославленное движение современности привело не к трансмутации всех ценностей, как мы мечтали, но к рассеиванию и запутанности ценностей» [1, с. 17].

Кризисное состояние духовной сферы привело к разрушению практически всех прежних традиций, обеспечивающих сохранность коллективной памяти. В свою очередь, исчезновение такой памяти, всегда сопровождается крайне негативными социально-психологическими последствиями: личность начинает чувствовать себя оторванной от своих корней, не связанной с предшествующими поколениями и их судьбой – происходит разрыв межпоколенческих уз. Неприятие общего прошлого дополняется утратой веры в общее будущее.

В ситуации духовного кризиса не только у отдельного субъекта, но и у целых социальных групп возникает ощущение прерывности истории. Более того, в период социальной трансформации негативное восприятие прошлого не только поддерживают, но и инициируют политические элиты, утверждая, что предшествующее историческое развитие было ошибкой, отклонением от магистрального пути и что сейчас, с их приходом, начинается подлинная история. В результате – у значительной части населения возникает желание отмежеваться от прошлого своей страны, убедить себя в том, что личная жизнь и судьба отдельного человека никак не связаны с социальными процессами. У представителей старшего поколения ощущение прерывности истории нередко дополняется ощущением того, что жизнь не состоялась, не удалась, а значит, лишена всякого смысла.

Проявления кризиса культуры и соответственно культурной идентификации стали очевидными в постсоветский период, однако предпосылки этих процессов начали складываться задолго до этого. Уже в 60-е годы XX века у значительной части населения стал постепенно формироваться «комплекс неполноценности» собственной культуры. Политическая установка «Догнать и перегнать Запад», определяющая стратегию развития социума, имплицитно содержала в себе оценку западной культуры как эталонной и совершенной, а оценку собственной культуры – как культуры второго сорта, от которой следует избавляться. К началу системного кризиса советского общества массовое сознание было частично подготовлено к отказу от прежних ценностей и восприятию новых, как впоследствии оказалось, далеко не лучших культурных образцов.

Констатация кризиса идентификации в то же время не тождественна утверждению, что процесс идентификации прекратился. Как нельзя отменить поиск личностью смыслов собственного бытия, так и нельзя прекратить процесс идентификации. Другое дело, что в современных условиях он становится иным, протекает в новых условиях: в пространстве мозаичной культуры, – где равноправно

соприсутствуют альтернативные идеологические и аксиологические системы. Идентификация в таких условиях приобретает новые формы.

Обесценивание социальных и политических структур в глазах личности, утрата культурой ядра универсальности, отсутствие конструктивной исторической и межпоколенческой преемственности заставляют индивида искать смыслы собственного бытия в границах повседневности и горизонтальных связей. И как следствие – бытовая сфера приобретает особую ценность, становится суверенной. Возникает сопричастность общему быту вместо сопричастности общему благу. На постсоветском пространстве такая «*бытовая идентификация*» получила массовое распространение. Она свидетельствовала о разрушении коллективной идентичности и разорванности «социальной ткани» общественной жизни.

Живя в обществе, осваивая культуру, личность одновременно включается в символическую среду и действует посредством нее. Сталкиваясь с реальностью, человек переживает ее, демонстрирует к ней свое отношение. В процессе переживания своего бытия личность использует символы: «символизирует» реальность, приписывая ей определенные значения, которые никогда не совпадают с их строгим семантическим определением. Разнообразие интерпретаций становится возможным потому, что все языки и языковые формы кодируют, удерживают в себе многозначность. В реальной человеческой коммуникации всегда существует зазор между символами и закрепленными за ними символическими значениями. В связи с этим вся реальность, воспринимаемая субъектом, является виртуальной. Виртуальная реальность – это реальность, переживаемая субъектом лично и представляемая им с помощью символов.

В пространстве современной культуры складывается иная ситуация. Благодаря средствам массовой коммуникации, сама реальность полностью воспроизводится с помощью виртуальных образов. Зазор между реальностью и виртуальностью исчезает, и именно виртуальность начинает восприниматься как единственная реальность. Возникает новый феномен – *реальная виртуальность* – мультимедийный текст, который входит в жизненный опыт личности на правах подлинной реальности. В такой ситуации субъект переживает и интерпретирует уже не реальность, а виртуальность. С реальной реальностью субъект утрачивает связь и теряет над ней контроль. Поскольку средства массовой информации обладают способностью инкорпорировать в свое пространство любые формы проявления культуры, возникает дифференциация среди их пользователей, что приводит к появлению виртуальных сообществ.

Формируется новая форма идентификации – *идентификация с виртуальным*, которая в то же время предстает как виртуальная идентификация.

В силу динамизма социальной реальности, особенно в периоды трансформации общества, субъект оказывается вынужденным менять сообщества, с которыми он себя отождествляет. В этом случае идентификация приобретает «эстафетный» характер, становится *куматовидной*. Наличие такой «скользящей», а точнее, постоянно ускользающей от субъекта, идентичности свидетельствует о том, что специфической чертой идентичности, как результата идентификации, становится *неопределенность*.

Одним из возможных векторов идентификации в условиях современных глобальных преобразований становится *«ретро-идентификация»* – возврат к первичным источникам идентичности. Указывая на это обстоятельство, Мануэль Кастельс в своей работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» пишет: «В мире, где господствует столь неконтролируемые и беспорядочные изменения, люди склонны группироваться вокруг первичных источников идентичности: религиозных, этнических, территориальных, национальных» [2, с. 14]. Если в современной России такой вектор идентификации хорошо просматривается в феномене «этнизации» и в возросшем интересе к религии, то в белорусском обществе, в силу незавершенности процесса формирования белорусской нации, в качестве такого первичного источника идентичности выступает территория.

Заметным явлением становится сегодня *фрагментарная идентификация*, воспроизводящая *частичную личность*, у которой сформированными и проявленными являются не все части ее «Я». Современная массовая культура активно продуцирует клише, по которым субъект может идентифицировать свое телесное или социальное «Я», оставляя практически без внимания «Я» духовное. В этом же направлении действуют средства массовой информации, постоянно напоминая человеку, каким должно быть его тело. Идентификация, ориентированная на проявленность физического «Я», как правило, сопровождается высвобождением деструктивного бессознательного, что способствует дальнейшему углублению духовного кризиса.

Подводя итог, следует отметить, что на постсоветском пространстве в условиях социальной трансформации существенным образом деформировался процесс идентификации. Он приобрел новые формы, а его основными модусами стали *модус неопределенности* и

модус фрагментарности. Это привело к изменению структуры идентичности, поскольку исчезли или существенным образом модифицировались социальные реалии, с которыми личность ранее себя отождествляла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М., 2006.
2. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М., 2000.